

12+

Алиса и папа: невероятное приключение

Теннадий Харламов

Геннадий Харламов

**Алиса и папа невероятное
приключение**

«Издательские решения»

Харламов Г.

Алиса и папа невероятное приключение / Г. Харламов —
«Издательские решения»,

Десятилетняя Алиса мечтает о диком лесе. Отец ведёт её в сплав по уральской реке. Лодка тонет. Еда кончается. Связи нет. Друг, который должен их встретить, лежит в лесу без сознания. Они остаются одни в тайге. Вдвоём. Без надежды. Но Алиса не сдаётся. Потому что знает: вдвоём не страшно. Эта книга — о том, что любовь сильнее любого леса.

Алиса и папа невероятное приключение

Геннадий Харламов

© Геннадий Харламов, 2026

ISBN 978-5-0070-5368-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Алиса и папа: невероятное приключение»

Глава 1. Там, где кончается мороженое

Яркий солнечный день. Не тот палящий зной, от которого плавится асфальт, а ласковый, уральский — тёплый, но с лёгкой хитрецей, когда солнце уже припекает, но ветер с озера приносит прохладу, и ты чувствуешь этот контраст кожей — жар и свежесть одновременно, и от этого на душе становится легко и спокойно. Небольшой камерный пляж симпатичного лесного отеля на берегу озера: мелкий, чуть скрипучий песок, который набивается в сандалии, нагревается за день так, что по нему приятно ступать босыми ногами, и ты слышишь, как он хрустит под подошвами, деревянные шезлонги, чьи планки уже успели прогреться до состояния «только что выключенный уют», и тишина, нарушаемая лишь плеском воды — мерным, бесконечным, как дыхание самого озера, которое то накатывает на берег, то отступает, оставляя на песке тёмные влажные следы. Рожок с мягким, тающим мороженым в руке. Холодная сладость стекает по вафле, и ты едва успеваешь её слизывать, пока она не капнула на пальцы, оставляя липкие белёсые разводы. Казалось бы, что ещё нужно для счастья?

Мужчина растянулся на лежаке. Кепка с длинным козырьком надвинута на глаза — не столько от солнца, сколько чтобы никто не видел, куда он смотрит на самом деле. А смотрел он вдаль, на барашков — маленькие белые гребешки волн, которые рождались где-то далеко, у противоположного берега, и двигались к нему, постепенно затухая, — которые неспешно выпрыгивали из озерной глади, тут же ныряли обратно и пропадали, словно боялись, что их поймут и вернут обратно в какую-то скучную, правильную жизнь, где всё расписано по минутам и нет места неожиданностям. Вода была спокойной, но не мёртвой — она дышала, накатывала на берег мягкими, ленивыми волнами, и каждая волна пахла йодом, тиной и чем-то далёким, детским, забытым, что всплывает в памяти только в такие моменты полного покоя. Рядом, на соседнем лежаке, пристроилась жена — она листала какой-то женский журнал, который явно читала уже не первый раз, потому что переворачивала страницы без особого интереса, скорее по привычке, и иногда косилась на мужа, но молчала, и в этом молчании было что-то уютное, домашнее, проверенное годами. А перед ними бегала их любимая дочь, черпая песок босыми ногами, подкидывая его в воздух и наблюдая, как ветер — тёплый, почти сухой, пахнувший сосновой смолой и нагретой водой, — уносит его обратно на пляж мелкими золотистыми струйками. Бессмысленное, бесконечное, абсолютно счастливое занятие, которое могло продолжаться вечно, потому что время здесь, на этом маленьком камерном пляже, текло иначе — медленно, густо, как мёд.

Это был второй в жизни юбилей Алисы — десять лет. Десять лет — это уже не малышка, но ещё не подросток, тот странный возраст, когда девочка уже многое понимает, но ещё не научилась скрывать свои эмоции, когда мир ещё полон чудес, а слёзы и смех разделяют всего несколько секунд. И именно в этот раз они решили не собирать толпу родственников, не арендовать банкетный зал с аниматорами и резиновыми шарами, не слушать бесконечное «выросла-то как», а тихо уехать подальше от цивилизации. Подальше от городской суеты, пробок, мусорных баков под окнами и вечного «не шуми, у людей выходной». Это место было

как нельзя кстати. Новый стильный отель в скандинавском стиле — стены из светлого дерева, большие окна от пола до потолка, внутри пахнет деревом и ванилью, и этот запах смешивается с запахом озера, создавая странное, но приятное ощущение дома где-то на краю света. Свой контактный зоопарк, где жил ручной енот, который спал все три дня, свернувшись клубком в своём домике, и просыпался только к вечеру, чтобы съесть яблоко и снова заснуть. Пляж на берегу одного из чистейших озёр Челябинской области — вода здесь была настолько прозрачной, что на глубине вытянутой руки можно было разглядеть каждый камушек, каждую песчинку, каждую маленькую рыбёшку, которая замирала в толще воды, а потом стремительно уносилась прочь. Детская комната с няней, которая смеялась точно так же, как Алиса — звонко, залившись, на весь этаж, и этот смех был заразительным. Полный пансион, от которого жена была в восторге, потому что не нужно было думать о готовке, о мытье посуды, о том, что завтра снова вставать к плите. Всё это идеально подходило под три беспечных, ничем не омрачённых дня. Дня, которые сейчас заканчивались.

Солнце медленно, но уверенно приближалось к верхушкам деревьев. Те тянули к нему свои зелёные ладони, словно хотели поймать, задержать, но оно не слушалось и продолжало свой путь к горизонту, за которым уже угадывался вечер — сначала лёгкая прохлада, потом сиреневые сумерки, потом темнота. Воздух стал чуть прохладнее, тени от лежаков вытянулись и стали похожи на длинные языки, которые лижут песок, постепенно удлиняясь и бледнея. Вода потемнела — с голубовато-зелёной превратилась в тёмно-синюю, почти чёрную, и в ней отражались первые, ещё робкие звёзды, которые появлялись на небе одна за другой, словно кто-то зажигал их тонкой спичкой.

— Алиса! — послышался женский голос. Не резкий, но твёрдый. Голос, который привыкли слушаться. Он мягко, но настойчиво нарушил тишину — ту самую, которая держалась здесь весь день, как хрупкая ваза, и вот теперь разбилась на тысячу мелких осколков. — Собирайся, пора.

— Куда? — вторил детский, слегка возмущённый, но оттого ещё более звонкий голосок. Алиса замерла на месте, прижав руки к бокам и наклонив голову набок — поза, которую мужчина знал наизусть. Это была поза «я не согласна, но пока слушаю», в которой было всё — и детское упрямство, и почти взрослая гордость, и желание спорить, и понимание, что спорить бесполезно.

— Темнеет, — жена отложила журнал и посмотрела на дочь с той особенной материнской смесью строгости и нежности, которую понимают только они двое. — Пора ужинать и готовиться ко сну. Завтра утром домой, ты не забыла?

— Ну неет, — протянула Алиса. И в этом «неет» чувствовалось не просто детское недовольство. Там было настоящее разочарование, почти взрослая тоска по чему-то, что уже закончилось, даже не успев начаться как следует. Она топнула ногой, и песок взметнулся вверх маленьким облачком — золотистым в лучах заходящего солнца, — и несколько песчинок попали ей на колени, но она не стряхнула их.

Алиса была настоящим ураганом. Упрямая, как её отец. Бойкая, как её мать в молодости. Весёлая и лёгкая на подъём до такой степени, что иногда казалось — она не ходит, а летит в нескольких сантиметрах над землёй, едва касаясь её носками кроссовок. Она и минуты не могла просидеть на месте, находясь в постоянном поиске приключений даже там, где их не было и не могло быть. Прошлым летом она организовала в школьном дворе «экспедицию на Северный полюс» — в июне, в Челябинске, с помощью трёх картонных коробок и папиного старого термоса. Учительница была в ужасе. Отец гордился.

Ужин прошёл в полумраке ресторана при отеле. Горели свечи в стеклянных банках — пламя их колыхалось от каждого движения официантов, от каждого сквозняка, отбрасывая на стены и потолок причудливые тени, которые плясали, переплетались, разбегались и снова сходились. Пахло хлебом и чем-то грибным — тем особенным, уютным запахом, который

бывает только в хороших ресторанах, где еду готовят не для того, чтобы накормить, а для того, чтобы дать наслаждение. Алиса уплетала спагетти с сыром, наматывая макароны на вилку с такой скоростью, будто боялась, что их отнимут, и сыр тянулся за вилкой длинными жёлтыми нитями. Жена пила белое вино маленькими, почти медицинскими глотками — она никогда не пила быстро, всегда растягивала удовольствие, и мужчина иногда завидовал этой её способности.

— Как тебе здесь? — женщина смотрела на дочку, но вопрос задала скорее для всех, для тишины, которая повисла между ними.

— Хорошо, — ответила Алиса, не поднимая головы. Ещё одна макаронина исчезла в её маленьком, но весьма прожорливом рту.

— А тебе, дорогой? — она перевела взгляд на мужа.

— А, — мужчина махнул рукой, даже не дожидаясь. — Ты же знаешь, это какой-то ненастоящий лес для меня.

Он сказал это не со злостью. Скорее с лёгкой грустью, которую трудно объяснить человеку, не понимающему разницы между лесом и парком. Между елью, посаженной ландшафтным дизайнером, и той, что выросла сама, вопреки всему, на гранитной скале, пробивая корнями камень. Между ручьём, который пустили по бетонному жёлобу, и рекой, которая сама нашла себе русло тысячи лет назад, огибая камни, размывая берега, меняя направление. Между тишиной, которую нарушает только шум магистрали, и той глубокой, первозданной тишиной, в которой слышно, как падает шишка и как дышит лес.

— Пап, — послышался детский голос. Алиса отложила вилку. Спагетти были повержены, остатки соуса она вытерла кусочком хлеба. — А где он? Ну, настоящий лес?

Мужчина откинулся на спинку стула, посмотрел куда-то вверх макушки дочери, в темнеющее за окном небо. Там, за стеклом, первые звёзды уже зажигались — холодные, далёкие, обещающие что-то настоящее, то, чего не купишь за деньги и не найдёшь на карте туристических маршрутов.

— Там, где нет людей. Где нет связи. Нет населённых пунктов, кондиционеров, пластиковых шезлонгов и детских комнат с нянями. Там, где только дикая природа. Реки, которые сами решают, куда течь. Скалы, на которые никто не вешал табличку «Осторожно, скользко». Лес, в котором ты не хозяин. Ты — гость. И гости там бывают разные. Хорошие и не очень. И лес это чувствует.

— Дикая... — задумчиво повторила Алиса. Она редко задумывалась. Её стихия была в действии. Но сейчас она затихла, и в глазах её загорелся тот самый огонь, который мужчина видел только в редкие минуты настоящего интереса — когда она собирала конструктор, когда читала книгу про динозавров, когда впервые увидела море. Она словно что-то планировала. Что-то большое. — А давай, мы с тобой пойдём в этот дикий лес?

Она сказала это так, будто речь шла о прогулке до соседнего двора. Её глазки игриво забегали, и мужчина почувствовал, как внутри у него что-то ёкнуло. То ли радость, то ли страх. А может, и то, и другое вместе.

— Ты думаешь, ты готова? — в голосе мужчины пробежала ответная искра. Он чуть подался вперёд, локти на стол, глаза прямо на дочь. — Это же не один час. Не день. Несколько дней. Ночевать в палатке. Плыть на лодке. Самим собирать дрова. Самим готовить еду. Воды — сколько взял, столько и будет. Нет магазинов. Нет мороженого. Нет интернета. Нет розеток.

— А это и не надо! — отрезала Алиса. — Я правда хочу, пап. Настоящий лес. Ты же сам сказал — гость. Я хочу быть гостем. Настоящим.

Мужчина открыл рот, чтобы ответить, но тут в разговор вмешалась та, чьё мнение в этой семье обычно было самым веским, пусть и самым тихим.

— Какой дикий лес? — голос жены звучал ровно, но в нём отчётливо слышался холодок. Не тот, от которого мерзнут руки. Тот, от которого хочется быстро и аккуратно закрыть тему и больше никогда к ней не возвращаться. — Вы в себе вообще? Робинзоны нашлись.

Она отставила бокал с вином, так и не допив. Посмотрела на мужа. Потом на дочь. И покачала головой — медленно, как опытный судья, выносящий обжалованию не подлежащий вердикт.

Но мужчина уже не слушал. Он смотрел на Алису. А Алиса смотрела на него.

И молчание между ними длилось ровно столько, сколько нужно, чтобы понять: решение уже принято. Слова будут позже.

Глава 2. Условия капитуляции

В ту ночь они не говорили о лесе. Вообще.

Алиса уснула почти сразу — свернулась калачиком на своей кровати в номере, обняв подушку, и даже во сне улыбалась, будто продолжала разговор, который начался за ужином, будто видела тот самый дикий лес, о котором говорил отец. Мужчина сидел на балконе, пил тёплый чай — неспешно, маленькими глотками, чтобы он не кончился слишком быстро, чтобы продлить это мгновение покоя, — и смотрел на озеро. Луна была почти полной, и её дорожка на воде дрожала, распадалась на тысячи мелких блестящих чешуек, которые плыли, собирались снова и снова расходились, словно живое серебро. Ветер стих, и вода стала гладкой, как зеркало, только иногда лёгкая рябь пробегала по поверхности, разбивая отражение луны на куски. Где-то на том берегу, за тридцать, за сорок километров, начиналось то, о чём он говорил за ужином. Настоящий лес. Без фонарей. Без связи. Без права на ошибку.

Он не спал долго. Думал. Вспоминал, как в последний раз сплавлялся по реке — пять лет назад, с отцом, с трёхдневным запасом консервов и баклажками воды. Тогда всё было просто: проснулся — поплыл — замёрз — развёл костёр — выпался — поплыл дальше. Никто не ждал его дома с истерикой. Никто не спрашивал: «А если?». А если порвётся лодка? А если кончится еда? А если заблудитесь? А если дожди? А если медведи? Тогда этих вопросов не было. Тогда была только река, весло и чувство свободы.

А теперь спрашивали. Только не вслух. Жена молчала весь вечер, и это молчание было громче любых слов. Он слышал, как она ворочается в постели, как вздыхает, как поправляет подушку, хотя та и так лежала идеально, как иногда замирает, прислушиваясь к чему-то — может быть, к его дыханию, может быть, к своим мыслям. Она не спала. И он знал почему.

Он уснул под утро, когда небо за окном начало светлеть, сначала едва заметно, потом всё ярче, а луна ушла за горизонт, оставив после себя только влажный холодный воздух.

Отель они покидали в тягучем, полусонном настроении. Солнце уже поднялось, но ещё не припекало — только золотило кроны сосен на въезде, делая их похожими на огромные свечи, и лёгкий туман поднимался над озером, стелился по воде, окутывая берега молочной дымкой. Алиса тащила свой маленький рюкзак с единорогом, неся его перед собой, как бомбу замедленного действия, и единорог на рюкзаке подпрыгивал в такт её шагам. Жена шла впереди, с сумкой на колёсиках, которая издавала ритмичный стук по брусчатке: тук-тук-тук, тук-тук-тук, и этот звук отдавался в голове мужчины, как метроном. Мужчина замыкал шествие, неся всё остальное, и мысленно перебирал слова, которые скажет в машине, репетировал их, отбрасывал, начинал заново.

— Мам, — сказала Алиса, когда они уже загружали вещи в машину. — А помнишь, мы вчера говорили про лес?

— Помню, — не оборачиваясь, ответила жена. Голос — ноль эмоций. Профессиональный дипломат, который не показывает своих карт до последнего.

— И я подумала, — Алиса залезла на заднее сиденье, устроилась поудобнее и пристегнулась сама, что делала крайне редко, обычно требуя помощи. Это был тактический ход —

показать, какая она взрослая и ответственная, достойная большого путешествия. — А давайте прямо сейчас поедem? Ну, в этот лес?

— Алиса, мы едем домой, — отрезала мать. — У меня работа. У тебя школа через три дня. И вообще, мы не обсуждали это серьёзно.

— Так это же на два-три дня! — не сдавалась девочка. — Пап, скажи! Ты же хочешь!

Мужчина вздохнул, заводя двигатель. Он знал, что момент настал. Можно было бы отложить разговор до дома, но он понимал: если не начать сейчас, то жена успеет выстроить бетонную стену аргументов, которую потом не пробьёшь. А за два часа дороги она придумает тысячу причин, почему нельзя, и тысячу способов сказать «нет» так, чтобы это прозвучало окончательно и бесповоротно.

— Слушай, — начал он как можно более будничным тоном, будто речь шла о выборе места для пикника в ближайшем парке. — А ведь Алиса дело говорит.

— Какое дело? — жена не обернулась, но мужчина заметил, как напряглись её плечи.

— Ну, про лес. Я всё думал ночью. Действительно, почему бы и нет? Два-три дня. Мы же не на Северный полюс собрались. Есть у меня одно место. Река. Спокойная. Я там пять лет назад сплавлялся. С отцом. Всё прошло отлично.

— Пять лет назад, — эхом повторила жена. — Без ребёнка.

— Ну и что? Я ж не говорю — прямо завтра. Нужно подготовиться. Всё проверить. У меня же снаряжение есть. Лодка, палатка, спальники. Лежат в гараже, пылятся, ждут своего часа. Лодку надует — поплывём.

— А я помню эту твою палатку, — в голосе жены послышалось что-то тёплое, почти ностальгическое. — Вы втроём в ней ночевали. Ты потом неделю жаловался на спину.

— Было дело, — усмехнулся мужчина. — Но это потому, что они рюкзаками всю полезную площадь заняли. А мы с Алисой поместимся. Она маленькая ещё.

— Я не маленькая! — возмутилась Алиса из-за спины. — Я уже почти как папа!

— Ты как папа, — согласилась мать, не оборачиваясь, и в голосе её появилась едва заметная улыбка.

Жена молчала полкилометра. Дорога шла через лес — настоящий, не курортный, но всё ещё цивилизованный. Асфальт, разметка, столбики с отражателями, ровные обочины. Алиса прилипла к окну и смотрела на проплывающие сосны, прижимаясь лбом к стеклу, и её дыхание оставляло на стекле маленькое мутное пятно.

— Ладно, — выдохнула жена наконец. Мужчина даже ушам своим не поверил. — Но условия.

— Какие? — оживился он, стараясь не показывать излишней радости. С Алисой у них был негласный договор: маму нельзя переигрывать. Она чувствует фальшь за версту, за две, за десять.

— Первое. Не больше двух дней. Вы ушли в понедельник утром — во вторник вечером вы меня набираете. Или сами выходите на связь. Я не хочу сидеть у телефона и гадать, живы вы или нет. Я этого не выдержу.

— Связи там нет, — осторожно заметил мужчина. — Я же говорю — глушь. Настоящая. Без вышек.

— Вот и я о том же, — жена бросила на него быстрый взгляд в зеркало заднего вида. — Значит, договоришься с кем-нибудь, кто будет вас встречать и докладывать. Чтобы я знала, что вы не утонули и вас не съели. Чтобы я могла кому-то позвонить и спросить.

— Не съедят, — усмехнулся он. — Медведи там только в сказках. И вообще, они людей боятся.

— Ты думаешь, меня это успокаивает? Второе. Я должна знать, где вы начинаете и где заканчиваете. Координаты. Маршрут. Честно, без дураков. Никаких «ой, забыл» или «потерял».

— Без дураков, — кивнул мужчина.

— Третье. Никакой самостоятельности. Вы идёте строго по тому пути, который выберете. Никаких «ой, а давайте тут свернём, тут интереснее». Нет. Маршрут есть маршрут. Вы его продумали — вы по нему идёте.

— Мам, а если там красиво будет? — влезла Алиса. — Если мы увидим что-то, чего нет на карте?

— Тогда вы запомните это красивое место и сходите туда в следующий раз, с меня и с GPS, и со спутниковым телефоном, — отрезала жена. — Всё. Это не обсуждается.

— И четвёртое, — она помолчала секунду, собираясь с мыслями. — Ты, — она ткнула пальцем в зеркало заднего вида в сторону мужа, — берёшь на себя полную ответственность. За неё, — палец сместился на Алису, — за себя, за всё. Если я увижу хоть одну царапину, которая появилась не по её вине — ты спишь в гараже неделю. И пирожков не получишь.

— Месяц, — серьёзно кивнул мужчина.

— Месяц, — согласилась жена.

— Ура! — завопила Алиса, дёрнувшись в кресле так, что ремень безопасности натянулся, и единорог на рюкзаке подпрыгнул. — Мы идём в лес! Мы идём в настоящий лес!

— Мы никуда не идём, пока я не увижу, что вы подготовились, — мать всё ещё пыталась сохранять строгий тон, но в её голосе уже пробивалась усталая, безнадёжная нежность, которую невозможно подделать. — Боже, за что мне это... Два Робинзона на мою голову.

Мужчина улыбнулся и посмотрел в окно. Лес кончился, начались пригороды — сначала редкие дома, потом гуще, потом городские многоэтажки. Скоро дом.

Дело оставалось за малым — вспомнить, где лежит лодка.

Дома они разложили карты.

Буквально. Мужчина достал с антресолей старую автомобильную навигацию — ещё ту, докембрийскую, которая работала от прикуривателя и ругалась голосом диктора радио «Шансон», иногда начиная говорить с украинским акцентом, а иногда просто замолкала на полуслове. В неё была вшита карта области с топографией — старые, ещё советские данные, но для их целей, наверное, сойдут. Пока навигация грузилась (что заняло минут пятнадцать, за которые он успел выпить две чашки кофе и один раз поругаться с проводами, не выдержав и швырнув шнур в стену), Алиса сидела на полу и перебирала снаряжение, раскладывая его по кучкам: нужное, ненужное, может пригодиться.

Лодка ПВХ. Серая, с заплаткой на днище — старая заплатка, которую он поставил ещё пять лет назад после того, как напоролась на корягу. Мужчина погладил её рукой, как старого друга, который немного подкачал, но всё ещё верен, который не подведёт в трудную минуту. Лодка была без мотора — на той реке, куда он собирался, течение было вялым, но достаточным, чтобы не грести, а просто править, где надо, иногда подгребая в тихих местах. Сплав по такой воде — удовольствие для ленивых. Если ты не ленивый. А он был скорее расчётливым. Или просто знал свои силы.

— Это всё? — спросила жена, стоя в дверях гаража и подозрительно разглядывая гору тряпья, веревок и пластиковых клипс, которые Алиса разложила на полу.

— Не всё, — ответил мужчина, копаясь в ящике. — Вот. Палатка. Двухместная. Чехол немного потёрт, но ставится за десять минут. Если не дует.

— А если дует?

— За двадцать. И с моей помощью.

Жена вздохнула — тем особенным вздохом, который означает «я сдаюсь, делайте что хотите, я умоваю руки».

Мужчина продолжал выкладывать артефакты. Старый, ещё советский котелок с отбитой эмалью — на боку была вмятина, но дно держало, и вода в нём закипала быстро. Горелка — простая, на газовом баллончике, с одной конфоркой, которая горела неровно, оранжевым пла-

менем, но жила, шипела, но грела. Фляга для воды — алюминиевая, помятая, с закручивающейся крышкой на резиновой прокладке, которая уже задубела, но ещё держала. Два спальника — один зелёный, помятый, хранивший запах прошлых походов, второй розовый, купленный два года назад с мыслью «когда-нибудь пригодится», и вот пригодился. Рюкзаки — старые, советские, с потёртыми лямками, но крепкие, выдерживавшие и не такие испытания. Верёвки — капроновые, жёсткие на ощупь, узловатые. Компас — механический, в жёлтом пластиковом корпусе, стрелка которого иногда залипала, если сильно стукнуть, но после лёгкого щелчка возвращалась на место.

— У тебя это всё старое, — заметила жена, критически оглядывая арсенал.

— Проверенное, — поправил мужчина. — Новое часто ломается. Старое уже сломалось один раз, его починили. Теперь оно надёжное. Как швейцарские часы.

Алиса с восторгом примеряла розовый спальник на голову.

— Я как космонавт! Как Юрий Гагарин!

— Ты как мешок картошки, — пошутила мать, но в глазах у неё уже не было той стальной решимости. Она сдалась. Окончательно. И теперь просто наблюдала, как двое её любимых сумасшедших собирают экспедицию, снаряжение для которой пахнет нафталином и бензином.

— А эту речку как зовут? — спросила Алиса, выныривая из спальника.

Мужчина развернул карту на капоте старой машины. Провёл пальцем по тонкой синей линии, которая вилась среди зелёных пятен и белых проплешин — предположительно, скал. Бумага была старой, жёлтой, с выцветшими названиями, которые едва читались, но линия реки была видна отчётливо.

— Неважно, — сказал он. — Важно, куда она течёт. Отсюда до сюда. Около ста километров. Если идти спокойно, с ночёвками, три дня. Наша цель — деревня. Там нас встретит мой друг Эдик. Он местный, у него УАЗик. Посадит в машину — и через несколько часов мы дома.

— А если что-то пойдёт не так? — спросила жена тихо, почти шёпотом, будто боялась, что эти слова могут материализовать беду.

— Не пойдёт, — отрезал мужчина. Но Алиса посмотрела на него внимательно, и оба — и отец, и дочь — на секунду замолчали. Потому что оба знали: в лесу всегда может пойти не так. Ветер может перемениться. Уровень воды может упасть. Лодка может порваться. Карта может оказаться неправильной. Всё может пойти не так.

Но оба промолчали.

Мать тоже промолчала. Только покачала головой и ушла на кухню заваривать чай — для неё, последний спокойный вечер перед тем, как мужчина в последний раз застегнёт лодку, проверит аптечку и скажет дочери:

— Булочка, собирайся. Завтра выходим.

Но это будет завтра.

А пока они сидели втроём на кухне, и за окном медленно темнело летнее небо, переливаясь из золотистого в сиреневое, потом в тёмно-синее, и первые звёзды зажигались одна за другой, как маленькие далёкие маяки.

Глава 3. Семейный совет и последний ужин

После разбора снаряжения на кухне стало тесно, но не душно. Наоборот — уютно, домашнему, как после большой стирки, когда всё чистое разложено по стульям, и воздух пропитан мылом и свежестью. Алиса уже стащила розовый спальник в свою комнату и уложила его на кровать — на пробу, как она сказала, чтобы проверить, помещается ли он на кровати и не мешает ли спать зайцу. Мужчина сидел за столом, изучая карту, которую расстелил прямо поверх клеёнки, и водил пальцем по синей линии, прикидывая расстояния. Жена возилась у плиты — готовила что-то на пару, кажется, рыбу, потому что запах был рыбный, с лимоном. Запах лимона и укропа смешивался с запахом старого брезента из гаража, и это странное сочетание вдруг показалось мужчине самым правильным в мире — запах дома и запах приключений, смешанные в одном воздухе.

— Ты Эдику позвонил? — спросила жена, не оборачиваясь. Она помещивала что-то в кастрюле — медленно, задумчиво.

— Сейчас, — он потянулся за телефоном, который лежал на столе среди карт и компасов. — Эдик — мужик надёжный. Если сказал, что встретит, — встретит. Он меня ещё ни разу не подводил.

Эдик был старым приятелем ещё со времён первой работы. Они не виделись почти три года — так, переписывались иногда в мессенджере, поздравляли с праздниками, обменивались шутками про погоду и политику. Эдик работал водителем в лесничестве, жил в той самой деревне у конца маршрута, знал каждую протоку, каждый омут, каждый камень, который может порвать лодку. Если кто и мог вытащить их из глуши в случае чего — то только он.

Гудки. Три, четыре. Потом щелчок.

— Алло! — в трубке раздался бас, от которого динамик чуть захрипел. Голос был знакомым — низкий, с хрипотцой, как будто его владелец всю жизнь курил «Беломор».

— Эдик, привет. Слушай, тут дело такое...

Мужчина коротко объяснил ситуацию. Эдик молчал, иногда кряхтел — то ли слушал, то ли пил чай, то ли думал. Когда рассказ закончился, в трубке повисла пауза, длинная, тяжёлая.

— Ты чё, серьёзно? — спросил Эдик наконец. — С дочкой-то? С десятилетней?

— Серьёзно. Она у меня боевая. Не капризная.

— Ну, ты рисковей, — в голосе Эдика проскользнула улыбка, и мужчина почувствовал, как напряжение чуть отпустило. — Лады. Завтра с утра подгоню УАЗик, довезу до реки. А через три дня — в деревне встречу. Только ты, это... Аптечку нормальную возьми. Не ту, где одни бинты. И пластырь. И жгут.

— Всё будет, — пообещал мужчина.

— Я серьёзно, — голос Эдика стал жёстче, почти отцовским. — Река-то спокойная, но ты ж помнишь — в верховьях уровень сейчас неизвестно какой. Дождей мало было. Можешь на мели сесть. Или вообще на камни напороться.

— Мы аккуратно. Я не герой, я турист.

— Ну смотри. Если что — кричи. Я на берегу буду караулить. Только связи там нет, так что кричать придётся громко, — Эдик хмыкнул. — Давай, до завтра.

Он сбросил вызов.

Жена стояла у двери, вытирая руки полотенцем — белым, с вышитыми петушками.

— Ну что?

— Всё в силе. Завтра в семь утра у подъезда. Эдик приедет.

Она кивнула, но не ушла. Постояла секунду, потом подошла, села напротив и положила руки на стол — прямо поверх карты, прикрыв синюю линию реки своими пальцами.

— Послушай меня, — сказала она тихо, глядя ему в глаза. — Я не буду больше говорить про медведей и про то, что вы ненормальные. Я просто хочу, чтобы вы вернулись. Оба. Целые. С руками и ногами. И чтобы Алиса не боялась.

— Вернёмся, — он накрыл её ладони своей. Горячими, сухими, чуть шершавыми. — Обещаю. Я тебе обещаю.

— Ты это... смотри там за ней. За Алиской. Не геройствуй. Если что-то идёт не так — вы просто сидите на месте. Не лезьте в глубь. Не ищите приключений на свою голову. Люди вас найдут. Я найду. Я всех подниму.

— Ты найдёшь, — улыбнулся мужчина. — Ты у меня сыщица. Ты меня из-под земли достанешь.

— Заткнись, — ответила она, но тоже улыбнулась. Глаза у неё были влажные, но она сдержалась, не заплакала, только шмыгнула носом.

Алиса ввалилась на кухню в розовом спальнике, накинутом на плечи, как королевская мантия, и с зайцем под мышкой.

— А меня как упаковать? Я хочу собрать рюкзак сама!

— Тебя упаковать — как нечего делать, — мать наконец отпустила руки мужа и встала, стряхивая невидимые пылинки с фартука. — Пойдём. Будешь собирать рюкзак сама. Но я буду рядом и командовать. На то я мама.

— Сама?! — глаза Алисы загорелись так, что, казалось, осветили всю кухню.

— Сама. Но я буду рядом и командовать. И проверять.

Они ушли в комнату, и оттуда сразу же послышался восторженный визг и звон какой-то посуды — кажется, Алиса решила, что походная кружка подойдёт для хранения сокровищ, а ложка — для защиты от медведей. Мужчина остался один. Он сложил карту, убрал её в рюкзак, на самое дно, вместе с компасом и фонариком. Потом достал аптечку — большую, красную, с белым крестом, купленную ещё пять лет назад и с тех пор пополнявшуюся только самыми необходимыми лекарствами. Пластыри, бинты — узкие и широкие, йод, зелёнка, активированный уголь, жаропонижающее, парацетамол, аспирин. Никаких хирургических скальпелей и противоядий от змеиных укусов. Обычная аптечка обычного человека, который знает: в лесу всё, что тебе нужно, — это не порезаться и не замёрзнуть. Остальное — дело везения, подготовки и здравого смысла.

Он проверил лодку ещё раз — уже в который раз за день. Надул её прямо во дворе, чтобы убедиться, что старая заплатка держит, что швы не расходятся, что клапаны не травят воздух. Держала. Серая резиновая посуда лежала на газоне, поблёскивая капельками вечерней росы, и казалась почти живой — старый, верный друг, который готов к последнему путешествию.

— Ну что, — сказал он лодке шёпотом, чтобы никто не слышал, — последний раз? Или ещё поплаваем?

Лодка молчала. Как и положено резиновой лодке.

Вечер тянулся медленно. Ужинали все вместе, как в старые добрые времена — без телевизора, без телефонов, без спешки. Алиса рассказывала, как они в классе ставили спектакль, и она играла Кощея Бессмертного, а не царевну, потому что «царевны скучные, а Кощей — это характер». Жена смеялась, прикрывая рот рукой, чтобы не подавиться. Мужчина слушал и думал: «Господи, как хорошо. Как же хорошо просто сидеть вот так, в тишине, и знать, что сейчас все лягут спать, и завтра будет новый день». Он ловил себя на мысли, что последние годы они редко собирались все вместе без гаджетов — каждый в своём углу, каждый со своим экраном. И вот сейчас, перед тем как они с Алисой уедут, вдруг снова стало по-настоящему.

Потом была чистка зубов, долгое «спокойной ночи», и Алиса, уже почти засыпая, вдруг села на кровати, отбросив одеяло, и спросила:

— Пап, а ты боишься?

— Чего? — не понял он, хотя догадывался.

— Ну, леса. Того, настоящего. Который без людей.

Он помолчал секунду. Сказать «нет» было бы легко, но это была бы ложь. А врать дочери, глядя ей в глаза, он не мог.

— Немного, — сказал он честно. — Но когда рядом тот, кого ты любишь, страх становится меньше. Или... не знаю. Он становится другим. Не таким важным.

— А я не боюсь, — сказала Алиса и тут же засопела, проваливаясь в сон, будто сам воздух вышел из неё. — Ни капельки.

Мужчина поправил на ней одеяло, поцеловал в макушку, пахнущую яблочным шампунем, и вышел, притворив дверь.

В спальне горел ночник — маленький, в виде светлячка, отбрасывающий жёлтый мягкий свет на потолок. Жена уже лежала, отвернувшись к стене, но он знал — она не спит. Её плечи были напряжены, дыхание — неровным.

— Выключи свет, — сказала она тихо, почти неслышно.

— Сейчас.

Он лёг рядом, обнял её со спины, уткнулся носом в волосы — они пахли ромашкой, её любимым шампунем.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Я тебя тоже, придурок, — ответила жена, и он почувствовал, как она улыбнулась во тьме. — Только вернись. Оба. Не вздумайте там... не вздумайте.

— Вернёмся.

Они лежали молча, слушая, как за окном шуршит ночной город. Где-то лаяла собака — далеко, на соседней улице, где-то проехала машина — редкая в этот час, где-то хлопнула дверь подъезда. А где-то, за сотню километров отсюда, ждала река. Тёмная, холодная, неспешная, с камнями на перекатах и корягами в затонах. И они увидят её уже завтра.

Утро началось не с будильника, а с запаха кофе — густого, тёмного, с нотками шоколада. Мужчина открыл глаза и понял, что жена уже на кухне, что она не спала всю ночь или встала очень рано. Часы на тумбочке показывали шесть пятнадцать. Он вскочил, натянул джинсы, выбежал в коридор — и чуть не споткнулся о рюкзак. Алисин. Розовый, с единорогом, набитый до отказа так, что молния еле сходилась, а из боковых карманов торчали какие-то верёвочки и фантики.

— Доброе утро! — раздалось из-под стола. Алиса уже была одета — в походные штаны защитного цвета, футболку с динозавром и кепку, которую надела задом наперёд, как рэпер. — Я готова! Я уже два часа как готова!

— Ты когда встала? — изумился отец, почёсывая затылок.

— Давно! Я спать вообще не могла. Всё собиралась. И пересобирала.

— Она мне всю кухню перерыла, — подтвердила жена, входя с кружкой кофе — дымящейся, чёрной. — Но честно — всё сложила, что нужно. Я проверила. Даже лишнего ничего. Почти ничего.

— Кроме трёх шоколадок, — призналась Алиса виновато, но тут же добавила: — Но это стратегический запас!

— Шоколадки — это не лишнее, — авторитетно заявил отец, принимая из рук жены вторую кружку. — Шоколадки — это стратегический запас. На них мир держится.

В семь часов ровно во дворе хрипло рывкнул двигатель. УАЗик. Старый, зелёный, облупленный дорожной грязью, с потёртыми крыльями и надписью «Лесная служба» на двери, из которой буквы «с» уже почти выцвели, превратив название в нечто нечитаемое. Из кабины высунулась бородастая физиономия Эдика — в кепке-восьмиклинке, с усами, торчащими в разные стороны.

— Ну что, Робинзоны? — прогудел он на весь двор, разбудив, наверное, всех соседей. — Грузитесь! Солнце уже встало, а вы всё в пижамах! Река не ждёт!

— Мы не в пижамах! — крикнула Алиса, выбегая во двор с рюкзаком наперевес, единорог подпрыгивал у неё за спиной.

— А это кто? — удивился Эдик, разглядывая девочку. — Сержант? Матрос? Штурман?

— Капитан лодки! — засмеялась Алиса. — Я буду командовать!

— Ну, капитан так капитан, — Эдик хмыкнул, спрыгнул с подножки — высокий, грузный, нодвигающийся как-то по-кошачьи плавно — и начал помогать грузить снаряжение. Лодка — на крышу, привязали верёвками крест-накрест, чтобы не болталась. Рюкзаки — в кузов, вместе с палаткой и котелком, спальники — сверху, чтобы не промокли, если вдруг дождь, хотя небо было чистым. Алиса крутилась под ногами, пытаясь быть полезной, и в итоге получила почётное задание держать флягу с водой, чтобы не упала.

Мужчина остался на крыльце. С женой.

Они стояли втроём — он, она и тишина, которая бывает только перед расставанием. Даже коротким. Даже на три дня.

— Ну, — сказал он.

— Ну, — ответила она.

— Ты это... Звони Эдику. Он тебе мой телефон дал?

— Дал. Вчера вечером прислал. Я сохранила.

— Если что — он в курсе. Он знает все тропы. Он найдёт. Он мужик серьёзный.

— Ты меня сейчас пугаешь больше, чем успокаиваешь, — она попыталась улыбнуться, но губы дрожали, и улыбка получилась кривой.

— Я серьёзно. Всё будет хорошо. Мы — три дня, и я с этой булочкой буду сидеть у тебя на кухне и уплетать твои пирожки. И никуда больше не поедem, честное слово.

— Сначала вернись, потом будешь уплетать, — она шагнула к нему, обняла, уткнулась лицом в плечо. Он обнял её в ответ — крепко, как умел только он, чувствуя, как бьётся её сердце.

— Алиса! — крикнула она, не поднимая головы. — Иди сюда!

Алиса подбежала, бросив флягу на Эдика, который едва успел её поймать. Мать прижала её к себе, поцеловала в обе щёки, потом ещё раз, потом поправила кепку, хотя та и так сидела идеально, потом ещё раз поцеловала в лоб.

— Ты слушайся папу. И смотри там... Не отходи от него. Ни на шаг. Даже в туалет ходите вместе.

— Мам, я буду за ним следить, — серьёзно ответила Алиса. — Обещаю. Он у меня безответственный.

— Вот, — женщина вытерла глаза тыльной стороной ладони, стараясь не размазать тушь, хотя она уже давно потекла. — Иди уже. А то я сейчас расплачусь, а это не входит в мои планы на сегодня.

Мужчина открыл дверь УАЗика, помог Алисе забраться внутрь — она сразу прилипла к окну, замахала рукой. Он уже собрался сесть сам, но на секунду задержался, повернулся к жене и сказал тихо, так, чтобы не слышал даже Эдик:

— Я люблю тебя. Всё будет. Я привезу её.

— Я знаю, — ответила она, глядя на него красными глазами.

И УАЗик рывкнул мотором, вырулил со двора, чиркнув брюхом по выбоине, и исчез за поворотом, оставив после себя только сизый выхлоп и тишину.

Жена стояла на крыльце долго. Смотрела вслед — туда, где из-за угла уже не было видно зелёной машины.

Потом зашла в дом, села на кухне и налила себе чай, который остыл уже два часа назад. Не пила. Просто грела руки о кружку.

За окном летнее утро только начиналось — розовое, свежее, с капельками росы на листьях клёна.

А они уже уехали.

Глава 4. Дорога к реке

УАЗик выбрался со двора и сразу нырнул в утренний город, который только просыпался — лениво, с неохотой, будто тоже не хотел расставаться со сном. Кое-где уже горели жёлтые огни в окнах первых этажей — кто-то готовил завтрак, кто-то собирался на работу, кто-то провожал детей в школу. Кое-где хлопали двери подъездов, выбегали запоздавшие люди с портфелями. Светофоры моргали зелёным, будто подмигивали на прощание. Алиса прилипла к окну, разглядывая знакомые улицы с другой, необычной стороны — будто видела их впервые, будто это был не её город, а чужой, незнакомый, полный тайн и приключений.

— Эдик, а ты давно водишь? — спросила она, когда они вырулили на трассу и город остался позади — сначала высотки, потом частные дома, потом поля.

— Давно, дочка, — прогудел Эдик, не оборачиваясь. — Ещё при царе Горохе. Я и автобус водил, и грузовик, и этот вот зверь. А УАЗик — он особенный. Он не едет, он — думает.

— Думает? — Алиса удивилась так, будто услышала, что камни умеют петь.

— Ну а как же. У него характер. Вот ты его просишь в гору — а он не хочет. Спротивляется, рычит, дымит. Значит, надо с ним договориться, погладить по приборной панели, пообещать, что после поездки будет отдыхать в гараже и получит новое масло. Работает, — серьёзно сказал Эдик, и в его голосе не было и тени шуток.

Алиса посмотрела на папу — папа кивнул, пряча улыбку в воротник куртки.

— Я тоже так с мамой иногда разговариваю, — шепнула Алиса, и мужчина не выдержал — рассмеялся, громко, заливисто, первый раз за это утро.

— А ну-ка, не болтай лишнего, — буркнул он, но беззлобно.

Дорога за городом стала другой. Широкий асфальт сменился бетонкой — серой, в трещинах, с выбоинами, потом бетонка — грейдером, грунтовой дорогой, усыпанной щебнем. Столбы с проводами остались позади, исчезли заправки с яркими вывесками, исчезли даже редкие деревни с сиреневыми палисадниками — осталось только поле, бескрайнее, жёлтое от прошлогодней травы, небо, высокое и бледно-голубое, и бесконечная лента дороги, которая вилась между холмов, то поднимаясь на гребни, то ныряя в низины. За окном проплывали берёзовые колки — маленькие, кучерявые, будто кто-то разбросал по зелёному бархату пучки зелени, и их белые стволы вспыхивали на солнце. Потом берёзы кончились, начался сосновый лес. Высокий, светлый, с рыжими стволами, которые горели на солнце, как медь. Земля под соснами была устлана мягким ковром из иголок — рыжим, пружинистым, пахнущим смолой и чем-то далёким, детским.

— Красота-то какая, — сказал мужчина почти сам себе, не ожидая ответа.

— А ты не знал? — усмехнулся Эдик, поправляя зеркало заднего вида, в котором отражались только лес и пыль. — Это ж Урал, брат. Он красивый, когда на него смотреть, а не лезть в самую гущу. А как полезешь — он другой становится. Красивый, но суровый. Как баба с характером.

— У тебя все с характером, — заметил мужчина.

— А жизнь какая? Без характера — не жизнь. Скучно будет.

Они ехали молча минут десять. Алиса дремала, привалившись к папиному плечу, и её кепка съехала набок, открывая лоб с маленькой родинкой над бровью. Мужчина поправил кепку, не разбудив. За окном лес становился гуще. Сосны сменились елями — тёмными, мохнатыми, с нижними лапами, которые почти касались земли, как длинные юбки. Дорога сузилась, по бокам закачались папоротники — резные, ярко-зелёные, — они цеплялись за колёса, будто хотели забраться в салон, и оставляли на грязных дверях зелёные полосы.

— Теперь долго? — спросил мужчина, когда очередная яма подбросила УАЗик так, что Алиса на секунду проснулась, но тут же закрыла глаза снова.

— Часа полтора, — ответил Эдик. — Успеем. Я вас ровно к обеду на воду спущу. Там, на точке старта, родник есть. Наберёте воды, перекусите — и в путь. Погода держится, слава богу.

— А там правда глухо?

— Глуше не бывает, — Эдик почесал бороду, и из-под ногтей посыпалась какая-то труха. — Я тебе как на дух говорю. Река эта — она для местных, для охотников. Туда никто не суётся, потому что ни дорог нормальных, ни связи, ни людей. Идёте вы по ней — вокруг на сто километров ни души. Деревня только в конце. И всё. И та — два дома.

— А медведи? — спросил мужчина, и сам удивился своему вопросу. Не хотел он об этом думать. Но спросил.

— Есть, — честно сказал Эдик. — Но они людей боятся. Если вы не полезете к ним в малинник и не будете оставлять еду у палатки — не подойдут. А так — больше шума делайте. Пойте, кричите, громко разговаривайте. Медведь за версту обойдёт, если услышит, что вы идёте. Он не глупый.

— А как шуметь? — проснулась вдруг Алиса, не открывая глаз.

— Песни петь, — серьёзно ответил Эдик. — Матерные или детские. Главное — громко. И не стесняться.

— Я знаю только детские, — сказала Алиса.

— Ну, пой детские. Медведи тоже родители, им не понравится, если ребёнка обидают. У них свои дети.

Алиса окончательно проснулась, села прямо, поправила кепку и посмотрела в окно. Там уже не было ни полей, ни редколесья, ни весёлых берёзовых колков. Там была тайга. Настоящая. Тёмная, плотная, с поваленными стволами, которые лежали поперёк дороги, поросшие мхом, с лишайниками, которые свешивались с веток, как седые бороды стариков. Дорога стала грунтовой, петляла между деревьями, бросала УАЗик из стороны в сторону, как щепку. Алиса визжала на каждой кочке, и её визг смешивался с басовитым смехом Эдика.

— Держись, казачка! — кричал он, переключая передачу, и машина взревела, выбираясь из очередной ямы.

А потом вдруг лес расступился.

Они выехали на берег.

Глава 5. Наставление и ракетница

Река была неширокой — метра двадцать, не больше. Но вода в ней была тёмная, почти чёрная, и это не было признаком грязи или химии. Это был торф. Река текла медленно, даже лениво — вода едва шевелилась, — но где-то в середине русла вода закручивалась маленькими воронками, значит, были подводные камни, значит, дышало дно, значит, река жила своей, невидимой глазу жизнью. Берега обрывистые, поросшие ивой и ольхой, корни деревьев торчали из глины, как спутанные волосы. На противоположной стороне — чей-то старый шалаш из жердей, наполовину развалившийся, покрытый мхом, заброшенный много лет назад. Тишина. Такой тишины в городе не бывает. В ней слышно, как падает иголка с сосны. Как бьётся сердце. Как дышит лес.

— Ну вот, — сказал Эдик, выключая двигатель, и тишина стала ещё глубже. — Приехали. Дальше только на веслах.

Они вылезли из машины. Алиса сразу побежала к воде, наклонилась, потрогала — холодная, даже в июле, обжигающая пальцы. Мужчина остался с Эдиком. Начали разгружать лодку, рюкзаки, палатку.

— Смотри, — Эдик говорил негромко, но весомо, каждое слово — как гвоздь. — Ты по реке этой не просто плывёшь. Ты смотри на воду. Если видишь, что она бурлит — значит, камень. Обходи. Если впереди завал из упавших деревьев — лучше перенеси лодку по берегу, чем лезть. У вас ПВХ, она хоть и крепкая, но об камень порвётся, как бумага. Как газета.

— Понял, — мужчина кивал, запоминая, повторяя про себя каждое слово. — А уровень воды?

— Вот это — плохая новость, — Эдик понизил голос почти до шёпота, покосившись на Алису, которая всё ещё возилась у воды. — Дождей мало было, вода низкая. Где-то на середине пути может оказаться, что не пройти дальше. Тогда ищи протоки. Но смотри: протоки любят раздваиваться. Не лезь в первую попавшуюся. Смотри на берег: если деревья старые, мшистые, корявые — значит, проток старый, он куда-то выведет. А если молодые, тонкие — то тупик. Болото.

— А что делать, если заблудился? — спросил мужчина, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Сигнал давай, — Эдик полез в бардачок УАЗика, порылся там, вытащил металлический тубус — грязный, с царапинами, — и три красные ракеты в картонных гильзах, пожелтевших от времени. — Смотри сюда. Это ракетница. Не бойся, она не тяжёлая, не калибр какой-нибудь. Снимаешь предохранитель, направляешь в небо и стреляешь. Ракета уходит на двести метров, видно её за много километров. Если ночью — вообще как солнце.

Он показал, как вставлять ракету, как взводить курок — маленький рычажок сбоку.

— Только не направляй на лес, — строго сказал он, глядя мужчине прямо в глаза. — Лес вспыхнет — и всё, вы там внутри, как в печке. Только в небо. И не вздумай это показывать дочери, — он кивнул на Алису, которая сидела на корточках у воды и пыталась поймать маленькую рыбёшку, высовывая язык от усердия. — Не пугай её раньше времени. А если реально будет тупик — стреляй. Я каждый день в шесть вечера буду смотреть на небо. Если увижу красную — приду. Найду.

— Найдёшь? — усмехнулся мужчина, хотя внутри всё сжалось.

— У меня УАЗик, — хмыкнул Эдик. — Он думает, помнишь? Думающий автомобиль найдёт всё. Даже таких горе-туристов, как вы.

Он спрятал ракетницу в рюкзак мужчины, замотал сверху курткой, потом ещё футболкой, чтобы Алиса случайно не увидела, если полезет искать шоколад.

— А это, — Эдик протянул маленький намордник из мелкой сетки — комариный, — для неё. Они тут злые, как черти. Ты мужик, тебя и так кусают, а она ребёнок — ей тяжелее. Кожа тонкая.

Мужчина взял. Кивнул.

— Спасибо, Эдик. Выручил.

— Не за что, — Эдик отвернулся, зачем-то поправил верёвку на крыше УАЗика, хотя она и так была завязана намертво. — Ты мне её верни. Живую и здоровую. А то жена мне потом не простит. Людка у меня — баба злая.

— Верну. Обещаю.

Они собрали лодку. Надули насосом — старым, ножным, который качал неторопливо, с металлическим шипением, и каждое движение отдавалось в ногах. Алиса помогала — подавала вёсла, держала клапан, когда папа закручивал его, и следила, чтобы воздух не выходил. Она была серьёзна, как сапёр, как космонавт перед стартом.

— Всё, — сказал мужчина, вытирая пот со лба. — Можно грузиться.

Подожёл Эдик. Встал перед Алисой на одно колено — такой большой, бородатый, в грязной куртке, похожий на доброго лесного духа из сказок, которые она читала на ночь.

— Слушай меня, дочка, — сказал он, глядя ей в глаза. — Лес любит тех, кто его уважает. Не сори. Не кричи без дела. Если потерялись — не беги, сидите с папой на месте. Я вас найду. Обещаю. Клянусь своей бородой.

— А ты правда найдёшь? — спросила Алиса, и в голосе её не было страха, только любопытство.

— Правда, — Эдик потрепал её по кепке, и кепка снова съехала на глаза. — У меня УАЗик, он умный. И я умный. Мы вместе найдём. Мы с ним — команда.

Он обнял мужчину — быстро, по-мужски, хлопнув по спине так, что тот чуть не кашлянул.

— Через два с половиной дня, — сказал Эдик. — В деревне. Я буду ждать с утра. Выезжайте пораньше, чтобы к обеду быть. Не задерживайтесь.

— Хорошо.

Эдик сел в УАЗик, завёл мотор — он зарычал, чихнул, выдохнул сизый дым. Долго сдавал назад по узкой лесной дороге, лавируя между соснами, развернулся у опушки, проехав по кустам. Алиса махала ему рукой, и он один раз мигнул фарами — прощально, тепло, как-то по-домашнему, будто говорил: «Я рядом, я приду».

Потом машина скрылась за деревьями. Сначала был слышен гул мотора — низкий, натужный, потом он стал тише, потом совсем затих. И стало тихо.

Очень тихо.

Только река шуршала, набегая на песчаную косу, только ветер шевелил кроны сосен, только где-то далеко, за поворотом, стучал дятел.

Мужчина посмотрел на дочь. Дочь — на отца.

— Ну что, булочка, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал бодрее, чем было на душе, чтобы она не услышала ту нотку тревоги, которая засела где-то в груди. — Начинается настоящее приключение. То, которое ты просила.

Алиса улыбнулась и взяла его за руку — тёплую, чуть шершавую, пахнущую резиной и рекой.

Глава 6. Первый привал и тихая вода

Стояла тишина. Не та городская «тишина», когда в ушах всё равно стоит гул от проспектов и магазинов, — далёкий, ровный, как ультразвук, — а настоящая. Глубокая. Такая, что слышно, как где-то далеко, за излуиной реки, падает с ветки сухая шишка и как она стучается о землю — глухо, мягко, по-осеннему, хотя стояло лето.

— Ну что, — сказал мужчина, хлопнув в ладоши, и звук показался неестественно громким в этой тишине, — пора обедать. Я голоден как волк.

Алиса уже сидела на берегу, свесив ноги к воде и ковыряя носком кроссовки мокрый песок, который набирался в подошву и противно чавкал.

— А тут правда никто не живёт? — спросила она, не оборачиваясь, глядя на противоположный берег, где сосны росли прямо из воды.

— Рыбы живут. Птицы. Звери. А людей — нет, — ответил отец, развязывая рюкзак и вытаскивая плотный свёрток в ткани. — Хочешь, представь себя первооткрывателем. Мы первые люди, которые здесь за сто лет. Может, даже за двести.

— За сто лет? — Алиса округлила глаза и даже перестала ковырять песок.

— Ну, может, не сто, — усмехнулся отец. — Но со времён Эдика точно никто не был. А он говорил, что прошлой осенью здесь ни одной лодки не видел. Ни моторки, ни байдарки.

Он вытащил из рюкзака свёрток — плотную ткань, перевязанную верёвкой. Развязал узел, покопался. Там оказались бутерброды. Домашние. С колбасой, сыром, помидорами и даже с укропом, который жена мелко нарезала и положила прямо на масло — свежий, зелёный, пахнущий летом. Пахло хлебом — ржаным, чуть кисловатым, ветчиной и чем-то ещё — очень домашним, безопасным, родным. Прямо как на кухне, только вокруг были не стены и обои, а сосны, уходящие корнями в гранит, и вода, чёрная, загадочная.

— Мама постаралась, — сказал мужчина, протягивая Алисе самый большой бутерброд, с горой колбасы.

— Я её люблю, — сказала Алиса, откусывая сразу половину, так что сыр и колбаса оказались на подбородке.

— Я тоже.

Они ели молча. Не потому, что не о чем было говорить, а потому, что вокруг было слишком красиво, чтобы забивать это словами, слишком тихо, чтобы нарушать тишину. Река в этом месте была спокойная, даже сонная — вода едва двигалась, только иногда лёгкая рябь пробегала по поверхности, когда ветер срывал с сосен иголки. Вода — тёмная, как крепкий чай, как та самая заварка, которую мама заваривала по утрам, но у самого берега, где песок, она становилась прозрачной, и сквозь неё были видны мелкие камешки, похожие на окаменевшие конфеты. Где-то посередине русла лежало упавшее дерево — старое, белое, как кость, выбеленное солнцем и водой. Вода обтекала его, оставляя за собой длинный мутный хвост, который тут же распадался на мелкие струйки.

На противоположном берегу — всего в двадцати метрах, — прямо из воды росли сосны. Самые настоящие, взрослые, с ободранной корой у самого основания, с корнями, которые уходили в каменистое дно, как щупальца. Они стояли, как солдаты на посту, и мужчина подумал, что, наверное, эти сосны видели здесь плоты и лодки ещё сто лет назад. А может, и двести. Может, ещё при царе.

— Пап, а почему вода чёрная? — спросила Алиса, жуя бутерброд.

— Торф, — ответил он. — Река течёт через болота. На дне старые растения — тысячелетние, — они не гниют полностью, а превращаются в торф. Он окрашивает воду. Она становится как чай.

— А пить такую можно?

— В кипячёном виде — да. Но мы взяли свою, из дома, на два дня хватит. А потом будем кипятить. Это не страшно.

Алиса кивнула, приняла эту информацию как должное, как таблицу умножения, и потянулась за вторым бутербродом, даже не дожидаясь первый.

— А что там, за теми деревьями? — спросила она, махнув рукой вглубь леса, туда, где за первым рядом сосен уже не было просветов.

Мужчина посмотрел. Там, за молодым осинником, начиналась настоящая тайга. Не парк, не лесополоса, не декоративные посадки, а та самая глухомань, про которую говорил Эдик. Деревья стояли плотно, в несколько рядов, и между ними уже не было ничего, похожего на уютную прогулочную тропинку. Только валежник, мох, седой и мягкий, и заросли папоротника, по которым без топора и мачете не пройти.

— Там лес, — сказал он. — Просто лес. Такой же, как здесь.

— Он как стена, — заметила Алиса. — Будто не пускает. Стоит и смотрит.

— Может, и не пускает, — усмехнулся отец. — Потому мы и плывём. Вода пускает. Она умнее.

Они доели бутерброды. Мужчина собрал крошки в кулак и ссыпал в реку — рыбам, пусть тоже порадуются. Потом достал флягу с водой. Обычной, водопроводной, из дома, из-под крана на кухне. Налил в пластиковые стаканчики. Выпили, запивая бутерброды.

— Аппетитно, — сказала Алиса, облизывая губы.

— Это самые вкусные бутерброды в моей жизни, — ответил отец. И не соврал. Он не помнил, чтобы какая-то еда казалась ему такой желанной и правильной.

Он начал готовить лодку.

Серая ПВХ-шка уже была надута — стояла на берегу, как выброшенный на мель кит, как доисторическое животное. Мужчина обошёл её, проверил клапаны — не травят ли, потрогал пальцем старую заплатку — держала, не отходила. Потом достал из рюкзака два спасательных жилета. Один — взрослый, оранжевый, потёртый, с пятнами от рыбьего жира и костровой

сажи. Второй — детский, розовый, почти новый, купленный специально для этого путешествия, с блестящими застёжками.

— Иди сюда, — позвал он дочь.

Алиса подошла. Отец надел на неё жилет — аккуратно, как учили в школе на уроках ОБЖ. Сначала застегнул все клипсы снизу вверх — раз, два, три, — потом потянул за лямки, чтобы сидел плотно, но не давил на плечи, не натирал шею.

— Не жмёт?

— Немножко, — призналась Алиса, повертев головой.

— Потерпишь. В воде он спасёт тебе жизнь. Там будешь рада, что он есть.

— А если мы не упадём?

— Тогда и не узнаешь, — улыбнулся отец. — Но жилет всё равно носи. Это закон.

Алиса вздохнула — по-взрослому, с лёгким трагизмом, с которым принимают неизбежное, — и приняла свою судьбу. Розовый жилет топорщился на ней, как панцирь черепашки-ниндзя, и она была похожа на маленького розового робота. Она гордо выпрямилась, выпятила грудь и направилась к лодке, как идёт матрос на корабль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.